

Содержание

Авторский коллектив · 7

Предисловие · 9

Введение к первому тому · 12

ЧАСТЬ I. АГРЕГИРОВАННЫЙ РОСТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Глава 1. Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства · 17

Теоретические подходы · 19; «Исчезновение» Мальтуза · 28;
Институты — хорошие и плохие · 40; Человеческий капитал
и культура · 51; Технологии · 64; Заключение: недопонимание
как источник прогресса · 71

Глава 2. Демографический переход и человеческий капитал · 75

Доиндустриальный демографический режим · 78;
Мальтузианский режим в состоянии неравновесия
(1750–1870 гг.) · 91; Демографический переход · 102;
Заключение · 115

Глава 3. Государственные и частные институты · 117

Политические институты · 122; Налоговые институты · 130;
Коммерческое право · 138; Государство и сфера
инфраструктуры · 147; Заключение · 158

Глава 4. Торговля и империя · 161

Введение: взлет и падение европейского меркантилизма · 163;
Количественные тенденции (1700–1870 гг.) · 170; Торговля,
империя и рост · 178; Торговля и промышленная
революция · 192

Глава 5. Экономические циклы · 199

Экономические циклы до 1816 г. · 203; Экономические
цикли в 1816–1870 гг. · 218

ЧАСТЬ II. АНАЛИЗ ПО СФЕРАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 6. Сельское хозяйство · 233

Сельское хозяйство и долгосрочный рост · 235;
Технологические изменения и их влияние на рост производительности и численности населения · 241;
Урбанизация, рынки и специализация фермерства · 247;
Институты · 252; Заключение · 257

Глава 7. Промышленность · 259

Ключевые темы · 262; Структура европейской промышленности · 268; Каменный уголь и пар · 272;
Производство текстильных изделий · 276; Продовольствие, напитки и табачные изделия · 283; Черная металлургия · 285;
Заключение · 292

Глава 8. Сфера услуг · 293

Финансы · 298; Перевозка грузов · 307; Распределение · 319;
Заключение · 329

ЧАСТЬ III. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Глава 9. Уровень жизни населения · 333

Экономический рост · 338; Реальная заработная плата · 341;
Возвращение к пессимистической позиции · 346; Индекс развития человеческого потенциала · 354; Кривая Кузнецца? · 355; Заключение · 358

Глава 10. Урбанизация · 361

География урбанизации · 364; Хронология урбанизации · 372;
Урбанистический переход · 380; Заключение · 388;
Приложение · 388

Глава 11. Европа в зеркале Азии: Великое расхождение · 397

Уровни жизни в Евразии · 401; Причины Великого расхождения: рынки и институты · 415; Колониальное правление и Великое расхождение · 424; Заключение · 428

Библиография · 429

Авторский коллектив

- Джордж Алтер (George Alter), исторический факультет, Мичиганский университет.
- Дэн Богарт (Dan Bogart), экономический факультет, Калифорнийский университет в Ирвайне.
- Стивен Бродбери (Stephen Broadberry), экономический факультет, Уорикский университет.
- Консепсьон Гарсия-Иглесиас (Concepción García-Iglesias), факультет истории общественных наук, Хельсинкский университет.
- Оскар Гельдерблом (Oscar Gelderblom), исторический факультет, Уtrechtский университет.
- Регина Графе (Regina Grafe), исторический факультет, Северо-Западный университет.
- Бишнуприя Гупта (Bishnupriya Gupta), экономический факультет, Уорикский университет.
- Трейси Деннисон (Tracy Dennison), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.
- Гийом Доден (Guillaume Daudin), Лилльский университет I, Французский центр экономической конъюнктуры (OFCE) и Парижский институт политических исследований.
- Маурисио Дрелихман (Mauricio Drelichman), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.
- Ян Лейтен ван Занден (Jan-Luiten van Zanden), исторический факультет, Уtrechtский университет.
- Грегори Кларк (Gregory Clark), экономический факультет, Калифорнийский университет в Дэвисе.
- Ли Крейг (Lee Craig), экономический факультет, Университет штата Северная Каролина.
- Дебин Ма (Debin Ma), факультет экономической истории, Лондонская школа экономики.
- Паоло Маланима (Paolo Malanima), Институт исследований средиземноморских обществ (IISM-CNR), Неаполь.
- Джоэль Мокир (Joel Mokyr), факультеты экономики и экономической истории, Северо-Западный университет и Школа экономики им. Эйтана Бергласса, Тель-Авивский университет.
- Ларри Нил (LarryNeal), экономический факультет, Иллинойский университет в Урбана-Шампейне.
- Кевин О'Рурк (Kevin H. O'Rourke), экономический факультет, Тринити-колледж в Дублине.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ. ТОМ 1

- СЕВКЕТ ПАМУК (Sevket Pamuk), Институт истории Турции Нового и Новейшего времени им. Ататюрка, Босфорский университет (Стамбул) и Европейский институт Лондонской школы экономики.
- ЛЕАНДРО ПРАДОС де ла Эскосура (Leandro Prados de la Escosura), факультет экономической истории и институтов и Институт Фигеролы, Мадридский университет им. Карлоса III.
- ЖАН-ЛОРАН РОЗЕНТАЛЬ (Jean-Laurent Rosenthal), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.
- ДЖЕЙМС СИМПСОН (James Simpson), факультет экономической истории и институтов, Мадридский университет им. Карлоса III.
- ПИТЕР СОЛАР (Peter Solar), Везалий-колледж, Брюссельский свободный университет, Университетские факультеты Сен-Луи.
- РИЧАРД УНГЕР (Richard W. Unger), исторический факультет, Университет Британской Колумбии.
- ГАНС-ЙОАХИМ ФОТХ (Hans-Joachim Voth), экономический факультет, Университет Помпей Фабра (Барселона).
- РАЙНЕР ФРЕМДЛИНГ (Rainer Fremdling), экономический факультет, Гронингенский университет.

Предисловие

АМЕРИКАНСКИЕ студенты были бы немало удивлены, услышав предложение прослушать курсы по экономической истории не США, а, например, штата, в котором расположен их университет. В то же время в большинстве современных учебников по европейской экономической истории рассматривается исключительно развитие отдельных стран. Данное построение сопряжено с риском, что студенты будут неправильно интерпретировать феномен континентального развития только в масштабе некоего одного государства, устанавливая характерные только для него причинно-следственные зависимости. Пришло время для учебника по европейской экономической истории, в котором явным образом использовался бы паньевропейский подход, когда предлагаемый к изучению материал организован по темам, а не по различным государствам.

Таким образом, цель нашего проекта заключается в том, чтобы предложить читателям единую экономическую историю Европы в Новое и Новейшее время. В качестве модели мы использовали изданную в Кембридже новаторскую работу под редакцией Р. Флауда и Д. Макклоски «Экономическая история Англии» (Flood and McCloskey, 1981). Каждая глава учебника написана двумя или тремя ведущими специалистами в рассматриваемой области, что позволило им охватить каждый из трех важнейших регионов Европы (Северную Европу, Южную Европу и Центральную и Восточную Европу). Следуя матрице, предложенной Флаудом и Макклоски, мы представили учебник в двух томах, охватывающих 1700–1870 гг. и 1870–2000 гг. соответственно. В каждом из томов содержатся главы, в которых рассматриваются доминирующие в современной экономической истории темы: агрегированный экономический рост и экономические циклы, анализ

различных сфер экономики и уровень жизни населения. Мы использовали количественный подход и явным образом выраженный экономический анализ. Полученные результаты преподносятся так, чтобы они были понятны студентам.

Еще два десятилетия назад подобный проект был не- мыслим. Для того чтобы наглядно убедиться в существовании традиции паньевропейской экономической истории, достаточно познакомиться с более ранними изданиями *Cambridge Economic History of Europe* («Кембриджской экономической истории Европы»). Данные, содержащиеся в трудах многих гигантов экономической истории, опубликовавшихся в Кембридже, позволили нам взглянуть на экономическое развитие континента в целом. Однако впоследствии, в более поздних томах этой серии, начиная с тех, которые были посвящены Промышленной революции, возобладало представление событий в рамках истории отдельных государств. При этом выбор как государств, так и научных тем носил в высшей степени избирательный характер. Начиная с 1970-х гг. на экономических факультетах европейских университетов начала писаться количественная экономическая история, которая в большинстве своем была национальной по масштабам. Вероятно, это было неизбежно, поскольку количественные оценки долгосрочного экономического роста осуществлялись на основе национальной статистики стран, в которых работали специалисты-историки. Более того, количество клиометристов, работавших в других, помимо Великобритании и Ирландии, странах, оставалось сравнительно небольшим, а их профессиональный состав был раздробленным, особенно по сравнению с нашими североамериканскими коллегами.

Сегодня все изменилось. Критически важной поворотной точкой стало создание в 1991 г. Европейского общества исторической экономики (ЕОИЭ, EHES) с целью объединения специалистов по экономической истории нашего континента для совместной работы как в историческом направлении, так и в сфере экономической теории. В 1997 г. ЕОИЭ учредило журнал *European Economic History Review*, со временем превратившийся в своеобразный форум европейских специалистов. Еще одним важным прорывом стали начатые в 2003 г. инициативные исследования в области экономической истории лондонского Центра исследований экономической полити-

ки (ЦИЭП, CEP), представляющего собой крупнейшую в Европе сетьевую структуру в сфере экономических исследований. Результатом усилий ЦИЭП, подкрепленных финансированием паньевропейских исследовательских инициатив со стороны Европейского союза, стало появление динамичной профессиональной группы экономических историков, представители которой имеют полное право называть себя «европейскими» специалистами.

Мы «провели» наших авторов через две «тяжкие» конференции (в Лунде в 2006 г. и в ЦИЭП в 2007 г.), на которых обсуждались первоначальные наметки каждой главы учебника, и выражаем огромную признательность местным организаторам обоих форумов. Мы благодарны всем нашим авторам за проявленные ими в обоих случаях энтузиазм и стойкость, а также своевременное предоставление текстов.

Наш проект стал своего рода «ответвлением» финансируемой ЕС Исследовательской и учебной сети имени Марии Кюри «Изучение общего европейского опыта: исторические уроки паньевропейского развития» (контракт № MRTN-CT-2004-512439). Разумеется, мы благодарны Европейской комиссии за щедрую финансовую поддержку, без которой наш проект, скорее всего, никогда не смог бы «оторваться от земли». Мы признательны персоналу ЦИЭП, предоставившему нам экспертную помощь в получении гранта и администрировании проектом. Значительная часть работы над этой книгой была проделана в то время, когда О’Рурк работал старшим научным сотрудником правительства Ирландии. Он благодарит за неоценимую помощь Ирландский совет по научным исследованиям в области гуманитарных и общественных наук.

В 2007 г. наша учебная сеть понесла невосполнимую утрату — безвременно, в возрасте 46 лет, скончался Стефан (Ларри) Эпштейн, один из наиболее уважаемых, пользовавшийся всеобщей любовью ее участник. Смерть Ларри стала огромной потерей для нашей профессии. Нам будет очень не хватать его. Эта книга посвящается Ларри.

*Стивен Бродберри
Кевин О’Рурк*

Введение к первому тому

СТИВЕН БРОДБЕРРИ
КЕВИН О'РУРК

ПЕРВЫЙ том экономической истории Европы Нового и Новейшего времени посвящен переходу к экономическому росту современного типа, определяя который С. Кузнец использовал следующие характеристики: 1) высокие темпы роста подушевого продукта и численности населения; 2) высокие темпы роста выпуска в расчете на единицу затрат всех видов — то есть совокупной производительности факторов; 3) высокие темпы структурной трансформации от сельского хозяйства к промышленности и сфере услуг и от «личных» предприятий к крупномасштабной обезличенной организации фирм; 4) изменения в структуре и идеологии общества, включая урбанизацию и секуляризацию; 5) открытие международных коммуникаций или глобализация; 6) ограниченное распространение роста, ведущее к расхождению уровней жизни населения «развитых» и «слаборазвитых» государств (Kuznets, 1974). В Европе переход к экономическому росту современного типа происходил в 1700–1870 гг. Он начался в Англии, а затем довольно быстро распространился на другие части Западной Европы.

Рассматриваемые в исторической перспективе, эти перемены носили радикальный характер и должны анализироваться в одном ряду с другими эпохальными изменениями, такими как переход от охоты и собирательства к оседлому сельскому хозяйству. В то же время, используя непрерывно расширявшиеся в последние десятилетия возможности реконструкции экономического развития в рассматриваемый период, исследователи пришли к выводу, что эти изменения носили в большей степени постепенный характер и происходили в разных сферах экономики, а не только в промышленности, как считалось в прошлом. Тем самым был поставлен вопрос о правомер-

ности использования самого понятия «промышленная революция». Однако мы продолжаем использовать этот термин, в какой-то степени потому, что он твердо укоренился и в общественном сознании, и в профессиональной литературе. Возможно, еще более важно помнить о следующем. Несмотря на более низкие, чем считалось ранее, темпы роста, происходившие в то время экономические изменения носили революционный характер в том смысле, что они были необратимыми и превратились в идеальный тип (de Vries, 2001). Ведь когда мы говорим о «Великой французской революции», то, как правило, имеем в виду события, происходившие на протяжении всего 1789 г., а не только короткий по времени штурм Бастилии. В конце концов никто не ставит под сомнение положение, согласно которому, по мере того как в процессе модернизации экономик ресурсы постепенно перетекали из сельского хозяйства в промышленность, последняя стала играть гораздо более важную роль (Crafts, 1985а).

Насколько быстро «росла» Европа в 1700–1850 гг.? Действительно ли результатом роста стал радикальный разрыв с прошлым? В последние годы европейские специалисты по экономической истории добились огромного прогресса с точки зрения количественной оценки экономического роста. Основные данные о годовых темпах роста в ряде европейских стран и сравнительных уровнях валового внутреннего продукта в расчете на душу населения приведены в табл. I.1. Одним из важнейших достижений недавнего времени стало систематическое отслеживание сравнительных уровней подушевых доходов, что открыло возможность последовательной сверки данных о темпах роста в отдельных европейских странах, которые обычно рассчитывались на основе данных государственной статистики.

Обратившись к табл. I.1, мы, во-первых, видим, что в 1820–1870-х гг. имели место гораздо более высокие темпы роста, чем в эпоху раннего Нового времени (1500–1700 гг.). Имеющаяся информация позволяет предположить, что в это время в некоторых частях Южной и Восточной Европы происходило снижение уровня жизни населения, в то время как на Северо-Западе континента, и, прежде всего, в Англии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и части Франции, уровень доходов населения медленно повышался. В данном случае имела место известная «перемена участия» различных частей Европы, связанная с открыти-

ТАБЛИЦА I.1.

Показатели ВВП в расчете на душу населения в странах Европы
в 1500–1870 гг.: темпы роста и сравнительные уровни

А. Темпы роста ВВП в расчете на душу населения (в % в год)

	1500–1700	1700–1750	1750–1820	1820–1870
Великобритания	0,12	0,35	0,20	1,25
Нидерланды	0,24	0,00	-0,02	0,83
Бельгия	0,09	0,19	0,02	1,44
Франция	н.д.	н.д.	н.д.	0,85
Италия	-0,08	0,14	-0,22	0,61
Испания	-0,02	-0,10	0,10	0,27
Швеция	0,02	0,03	0,06	0,65
Польша	-0,13	-0,24	0,21	0,59
Россия	н.д.	н.д.	н.д.	0,64
Турция	н.д.	0,16	0,07	0,52

Б. Сравнительные уровни ВВП в расчете на душу населения (Великобритания в 1820 г. = 100)

	до 1500	до 1700	до 1750	1820	1870
Великобритания	57	73	87	100	187
Нидерланды	67	109	109	107	162
Бельгия	58	69	76	77	158
Франция	н.д.	н.д.	н.д.	72	110
Италия	83	71	76	65	88
Испания	63	61	58	62	71
Швеция	64	66	67	70	97
Польша	50–54	38–42	34–37	41	55
Россия	н.д.	н.д.	н.д.	40	55
Турция	н.д.	35	38	40	52

Источники: Приведенные данные заимствованы из работ ван Зандена (van Zanden, 2001), Мэддисона (Maddison, 2001), Памука (Pamuk, 2006), а также Альвареса-Ногала и Прадоса де ла Эскосура (Álvarez-Nogal and Prados de la Escosura, 2007).

ем новых торговых маршрутов на Восток через мыс Доброй Надежды и открытием Америки. Не так давно этот процесс перехода лидерства в подушевом доходе от региона Средиземноморья к «атлантическим» экономикам европейского Северо-Запада, был назван Малым расхождением (в отличие от произошедшего после 1800 г. Великого расхождения в уровнях жизни между Европой и Азией) (Pomeranz, 2000; Allen, 2001; Broadberry, 2007).

Во-вторых, при рассмотрении данных табл. I.1 мы видим, что переход к экономическому росту современного типа представлял собой длительный процесс. Даже в такой ведущей европейской стране как Великобритания, до начала XIX в. годовые темпы роста подушевого дохода не превышали 0,5%. Только после 1820 г. показатель темпов роста превысил 1% в год, да и то лишь в некоторых странах. И в-третьих, из табл. I.1 становится очевидным, что, несмотря на свое английское «происхождение», современный экономический рост относительно легко распространился на остальные страны Европы, и, конечно же, на колонии европейских поселенцев в Новом Свете. Происходивший после 1820 г. во всех представленных в табл. I.1 европейских странах рост подушевого дохода обусловил Великое расхождение в показателях уровня жизни населения Европы и Азии.

Организация этого тома отражает нашу убежденность в том, что переход к современному типу экономического роста имеет решающее значение для понимания европейской экономической истории в период между 1700 и 1870 гг. В части I рассматривается развитие событий в общем, включая как флуктуации краткосрочного экономического цикла (глава 5), так и долгосрочный экономический рост (глава 1). Включение в нее, наравне с главой об экономическом росте, отдельной главы, посвященной проблемам народонаселения (глава 2), отражает проведенное Кузнецом различие между экономическим ростом в Новое и Новейшее время и ростом в доиндустриальный период. В соответствии со знаменитым положением Т. Мальтуса, в доиндустриальное время повышение уровня жизни обычно носило кратковременный характер, так как непрерывно увеличивавшееся население буквально тут же «проедало» любое временное повышение реальной заработной платы (Malthus, 1798). Напротив, период Промышленной революции был отмечен «мирным сосуществованием» быстрого роста численности населения и повышения подушевых доходов, после чего в Европе начался демографический переход к режиму более медленного увеличения населения, сопровождавшегося устойчивым ростом подушевого дохода. В главе 4, посвященной торговле и созданию империй, отображается свойственный Кузнецу акцент на глобализации. В ней рассматриваются имеющие долгую историю дебаты о том, не является ли источником богатства Запада эксплуатация мировой пе-

риферии. В результате продолжительных научных изысканий специалистам по экономической истории удалось установить, что масштаб взаимодействий между Европой и остальным миром был недостаточно крупным. Поэтому, для того чтобы объяснить возвышение Запада, необходимо изучить и другие факторы (O'Brien, 1982). Альтернативный способ понимания причин «Европейского чуда» предполагает анализ институциональных изменений, позволивших Европе достичь экономического роста современного типа посредством формирования системы встроенных глубоко в институциональную структуру общества стимулов. Эти проблемы рассматриваются в главе 3, посвященной государственным и частным институтам.

В части II предлагается более подробный анализ различных сфер экономики. Развитие сельского хозяйства анализируется в главе 6, промышленности — в главе 7, а сферы услуг — в главе 8. В этих трех главах в центре внимания находятся проблемы роста выпуска и производительности, а также изменений в структуре и организации (вопросы, которым уделял большое внимание Кузнец). В заключительной части III этого тома рассматриваются вопросы, связанные с уровнем жизни населения. Если в главе 9 вы узнаете о динамике реальной заработной платы и других показателей уровня жизни, то глава 10 посвящена проблемам урбанизации. Это одно из структурных изменений, привлекавших особое внимание Кузнеца, поскольку влияние роста численности городского населения на уровень жизни представляется очевидным. И наконец, в главе 11 мы обращаемся к вопросам глобализации и расхождения в показателях уровней жизни между Европой и Азией.

ЧАСТЬ I
АГРЕГИРОВАННЫЙ РОСТ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

ГЛАВА 1

Экономический рост
в Европе в 1700–1870 гг.:
теория и фактические
свидетельства

ДЖОЭЛЬ МОКИР
ГАНС-ИОАХИМ ФОТХ

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические подходы · 19
«Исчезновение» Мальтуса · 28
Институты — хорошие и плохие · 40
Человеческий капитал и культура · 51
Технологии · 64
Заключение: недопонимание как источник прогресса · 71

СЕГОДНЯ обычные жители экономически развитых стран получают доходы, превосходящие те, которыми на протяжении большей части истории человечества располагали богатейшие представители элит. В 1930 г. Джон Мейнард Кейнс немного скептически заметил, что экономические проблемы человечества уже решены, по крайней мере в Европе и Северной Америке (Keynes, 1930). Исчезла угроза голода. Чистая одежда, крыша над головой и тепло перестали быть роскошью и воспринимались как предметы первой необходимости. К 1870 г. процесс развития, благодаря которому в конечном счете было создано всеобщее богатство, уже набрал полный ход. В предлагаемой главе обобщаются результаты недавних экономических исследований в области теории роста, позволяющие ответить на вопрос, как человечеству удалось спастись от «неприятной, жестокой и короткой», по словам Томаса Гоббса, жизни. Предлагаемые интерпретации сопоставляются с известными историческими свидетельствами и последними научными результатами экономических историков. Самое пристальное внимание уделяется четырем областям — демографии, институтам, человеческому капиталу и технологиям. В заключение мы высказываем предположения, которым еще предстоит пройти проверку в будущих исследованиях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. фокус внимания специалистов по макроэкономике начинает перемещаться с экономических циклов к детерминантам долгосрочного экономического роста. Авторы научных публикаций об эн-

догенном росте предлагали различные объяснения того факта, что в некоторых странах мира экономическое развитие происходило гораздо быстрее, чем в других. В большинстве своем предлагаемые модели применялись к периоду, наступившему после окончания Второй мировой войны. В результате произошло возвращение к классическому аргументу, выдвинутому Саймоном Кузнецом¹, — в случае обратной экстраполяции текущих темпов роста мы приедем к выводу, что в начале Нового времени и в предшествовавший ему период доходы находились на абсурдно низком уровне. Следовательно, началу роста современного типа должен был предшествовать продолжительный период стагнации. Возникает вопрос: что обусловило фазовый переход от мира очень низких или нулевых темпов роста к новому миру быстрого устойчивого роста?

Начиная с 1990-х гг. ученые пытаются создать всеобъемлющую теорию, позволяющую охватить как медленный рост, так и переход к быстро возрастающим среднедушевым доходам — унифицированную модель роста (unified growth model). И сегодня эта научная область пользуется повышенным вниманием исследователей. К важнейшим ее темам относятся демография, влияние институтов, человеческий капитал и культура, а также роль технологии. Прежде всего, мы предложим обзор некоторых, наиболее значительных, достижений в данной области, представленных в научной литературе. В основной части главы проводится сравнение теоретических предсказаний и главных открытых специалистами по экономической истории фактических свидетельств. В заключение выдвигается ряд предположений относительно дальнейших исследований в рассматриваемой нами области.

В ранних моделях в рамках унифицированной теории роста (например, Kremer, 1993) переход от стагнации к росту был представлен как процесс длительного постепенного ускорения темпов роста. Как и в некоторых других публикациях, посвященных эндогенному росту, в модели Кремера предполагается, что увеличение численности населения ведет к ускорению технологических изменений, так как вероятность выдвижения неким индивидом той или иной блестящей идеи является относительно постоянной величиной. Поскольку эти идеи никак не соперничают, происходит ускорение роста. Кремер показал, что некоторые базисные предсказания, сделанные на основе этой, достаточно простой модели роста, подтверждаются как при анализе

1. Саймон Смит Кузнец (*Simon Smith Kuznets*; при рождении Семён Абрамович Кузнец; 1901, Пинск, Российская империя — 1985, Кембридж, Массачусетс) — американский экономист. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. — Прим. перев.

временных рядов, так и при кросс-секционном анализе. Располагая данными о текущей численности населения, мы можем предсказать темпы его роста начиная с 1 000 000 г. до н.э. Кроме того, географически отделенные друг от друга экономические единицы, занимающие значительные территории, производят большее по численности население и более высокую его плотность. Поскольку рост численности населения и технологическое развитие происходят одновременно, в модели Кремера отсутствует состояние равновесия. Для того чтобы избежать взрывного роста всех переменных, необходим демографический переход, когда при достижении некоего порогового уровня увеличение доходов ведет к снижению рождаемости.

Напротив, в моделях экзогенного роста технология «просто случается», а решения о ее принятии не являются эксплицитными. Размер сам по себе не оказывает влияния ни на технологию, ни на изменение производительности. Один из примеров приложения концепции экзогенного роста к изучению перехода к самоподдерживающемуся устойчивому росту — модель перехода «от Мальтуса к Солоу» Г.Хансена и Э.Прескотта (Hansen and Prescott, 2002). Она основывается на допущении об экзогенной данности и постоянстве технологических изменений как в способе производства с использованием земли (при убывающей отдаче), так и в способе производства, не предполагающем ее применения. Первоначально используется только мальтизианская технология. В рассматриваемой модели в каждом поколении, продолжительность жизни которого составляет 35 лет, производительность в «мальтизианском секторе» (т.е. в сельском хозяйстве, в условиях убывающей предельной отдачи труда) увеличивается на 3,2%, в то время как в «секторе Солоу» (где все факторы производства являются воспроизводимыми) — на 52%. В конечном счете, поскольку производительность неиспользуемой технологии экспоненциально возрастает, технология Солоу становится конкурентоспособной и принимается. В этих условиях промышленная революция является неизбежной, а ее наступление зависит только от используемых при градуировке различных темпов роста производительности.

Ко второму классу моделей, для которых размер имеет значение, также относятся модели, в которых технологические изменения рассматриваются как экзогенные. Но здесь внимание исследователей сосредоточено на условиях, при

которых новые технологии найдут применение. Авторы первоначальных моделей, следуя традиции, заложенной К. Мерфи, А. Шлейфером и Р. Вишнью (Murphy, Shleifer and Vishny, 1989), опирались на воздействия спроса и, соответственно, размеров экономик для обосновывания периода, когда мог произойти «большой скачок». Приверженцы этой концепции, следуя П. Розенштейну-Родану, понимают под «большим скачком» одновременный переход на новые технологии сразу во многих секторах экономики. Для того чтобы покрыть постоянные издержки, ассоциирующиеся с внедрением новых технологий производства, уровень спроса должен быть достаточно высок. Зачастую это возможно только в случае, если индустриализация охватывает целый ряд отраслей. По мере увеличения совокупного выпуска вероятность такого развития событий возрастает. Один из выводов рассматриваемых моделей состоит в том, что индустриализация могла бы начаться задолго до того, как она развернулась в полную силу,— если бы все приняли решение о более раннем инвестировании в технологии, связанные со значительными постоянными издержками, то прибыли были бы достаточно высокими, чтобы оправдать расходы. Новые технологические знания сами по себе не обязательно ведут к увеличению выпуска. Таким образом, недостаточная скоординированность может подорвать переход к современной технологии.

В моделях, где принятие решения зависит от диверсификации рисков, ключевую роль играют также высокие постоянные издержки и неделимость. Д. Асемоглу и Ф. Зилибotti представили модель, основанную на противоречии между требованиями производства и инвестициями домашних хозяйств (Acemoglu and Zilibotti, 1997). Производственные проекты, предусматривающие использование новых технологий, требуют высоких расходов на создание нового предприятия. В то же время домашние хозяйства стремятся к диверсификации своих инвестиций с целью минимизации рисков. В силу этого инвестиции в новые продуктивные технологии первоначально находятся на очень низком уровне, равно как и выпуск. Ситуация изменяется по мере того, как домашние хозяйства становятся богаче,— объем сбережений становится достаточно большим относительно требований, предъявляемых новыми технологиями к капиталу, что позволяет домохозяйствам не «складывать все яйца в одну корзину». По мере того как индустриализация набирает ход, она начинает генериро-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru